

ЗНАКОМСТВО СЪ ГАРИБАЛЬДИ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Газеты «Новая Прусская» и «Всеобщая Аугсбургская» всячески старались представить Гарибальди въ образѣ какого-то флибустьера и разбойничьяго атамана, а, между тѣмъ, человекъ этотъ, въ настоящее время, возвысился на точку исторической извѣстности. Каждый, конечно, по своему можетъ судить о поступкахъ и дѣйствіяхъ Гарибальди, но его античный характеръ теперь всѣми признанъ; какъ вождь, какъ человекъ, Гарибальди пользуется общимъ уваженіемъ и друзей, и враговъ.

Съ подобнымъ человекомъ я желалъ стать лицомъ къ лицу. Гете говоритъ: «Ничто не можетъ сравниться съ минутою, когда передъ нами раскрывается благородная, высокая душа. Главная цѣль моихъ путешествій была: встрѣча съ замѣчательными личностями».

Да проститъ мнѣ читатель подробное изложеніе всего видѣннаго мною: по ремеслу моему, я не писатель, а старый гусарь, который, въ настоящемъ случаѣ, обошелся съ литературою, быть можетъ, слишкомъ *покавалерійски*.

Приступаю къ разсказу.

Наконецъ я достигнулъ страны, къ которой стремились мои живѣйшія желанія. Мрачныя вершины Альповъ, безмолвные свидѣтели великаго прошедшаго, окружали меня. У Кулопа, на дорогѣ изъ Женевы въ Туринъ, мы переѣхали французскую границу и по желѣзной дорогѣ прибыли въ Сенъ-Жанъ-де-Мориеннъ, гдѣ, пересѣвъ въ старомодный франкскій почтовый экипажъ, запряженный смѣшаннымъ обществомъ муловъ, лошаковъ, воловъ и лошадей, тронулись въ дальнѣйшій путь.

Мы проѣзжали самую южную долину Савоіи—Мориеннскую, направляясь противъ Аре, горнаго источника, который, протекая изъ Савоіи во Францію, составляетъ рукавъ савойской Изеры и вливаетъ свои воды въ Рону.

Аре беретъ свое начало въ Монъ-Сенисѣ. До Монъ-Сениса всѣ воды стремились намъ на встрѣчу, а по ту сторону горы всѣ онѣ предупреждали насъ, какъ бы для того, чтобы на волнахъ По перенести въ Италію наши привѣтствія.

Достигнувъ Монъ-Сениса, я внезапно былъ, казалось, перенесенъ въ мое сѣверное отечество. Снѣгъ, на каждомъ шагу снѣгъ! Но напрасно взоръ мой искалъ привѣтливую избу, съ вѣчно поющимъ самоваромъ. Надежды на стаканъ чая и скорую ѣзду здѣсь должны замолкнуть; наше нетерпѣніе достигнуть скорѣе Сузы, а съ нею вмѣстѣ и желѣзной дороги, не въ силахъ было понудить нашъ поѣздъ къ ускоренному движенію. Въ полночь мы наконецъ добрались до Сузы, какъ будто для того, чтобы еще слышать, какъ паровозъ, рѣзко освиставъ насъ, неповоротливый экипажъ, подобно привидѣнію, помчался со станціи.

Я считаю излишнимъ сердиться на прошедшее, а потому спокойно расположился въ гостинницѣ, подложивъ подъ голову мой дорожный мѣшокъ. Тутъ я убѣдился, что подобный мѣшокъ, набитый разнаго рода твердыми вещами и ручными дорожными книгами, гораздо хуже исправляетъ должность подушки, чѣмъ гусарское сѣдло.

Хозяинъ гостинницы принесъ мнѣ какой-то отвратительный напитокъ, называя его чаемъ. Я хлебнулъ мнимаго чая, но въ то же время и выплюнулъ, заплативъ за это удокольствіе два франка. Замѣчательно, однакожь, что хозяинъ имѣлъ дерзость требовать отъ меня, чтобы я пилъ его чай.

— Да это не чай, началъ я убѣждать его: — это какой-то *ellesire di diavolo* (чертовскій напитокъ—бурла!).

Раздраженный моимъ отказомъ, хозяинъ швырнулъ мнѣ въ ноги полученные два франка; но, въ ту же самую минуту, чайникъ, съ заключающеюся въ немъ бурдою, молочникъ и нѣсколко кусковъ сахара полетѣли въ голову Итальянца.

По счастью, находившійся вблизи жандармской офицеръ былъ очевидцемъ моего терпѣнія и, прочитавъ въ моемъ паспортѣ слово: «*Colopello*», принялъ мою сторону. Спокойствіе было восстановлено.

Въ шесть часовъ утра, я выѣхалъ съ первымъ поѣздомъ, а въ девять часовъ былъ уже въ Туринѣ, у стараго моего знакомаго, котораго имя и характеристическая біографія представляютъ, при настоящемъ положеніи Италіи, интересъ. Ансельмо-Герриери-Гонзаго, происходившій изъ рода герцоговъ мантуанскихъ (*Duca di Mantua*), былъ долгое время въ изгнаніи, и только высокое образованіе, мощный характеръ, въ которомъ соединялось терпѣніе съ кротостію, и непоколебимая надежда на освобожденіе Италіи отъ чужеземнаго ига могли поддержать энергію этого человѣка. Впослѣдствіи, возвращенный на родину, онъ занималъ постъ губернатора въ Пиаченцѣ, который, однакожь, скоро оставилъ, имѣя въ виду быть избраннымъ въ сардинскую палату депутатовъ.

— Вы хотите посѣтить Гарибальди, сказалъ мнѣ Гонзаго: — но не желаете ли прежде прослушать рѣчь графа Кавура, великаго сотрудника Гарибальди въ дѣлѣ единства Италіи? Вотъ вамъ и билетъ для входа въ палату депутатовъ; но на сегодня уже записаны другіе ораторы.

— Прошу васъ, въ такомъ случаѣ, любезный другъ, отпустить меня: я не охотникъ до политическихъ рѣчей; сердце влечетъ меня къ Гарибальди.

— Хорошо, сказалъ, улыбаясь, маркизъ и вручилъ мнѣ рекомендательное письмо къ генералу Сиртори, находившемуся въ Неаполѣ.

На станціи желѣзной дороги, взамѣнъ золота, я получилъ цѣлую горсть мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, цѣну которыхъ я понялъ на столько же, на сколько былъ бы въ состояніи опредѣлить цѣнность монетъ временъ Нумы Помпилія.

Въ то время, какъ я углубился въ созерцаніе полученныхъ денегъ, ко мнѣ подошелъ стройный мужчина.

— *Fou zetes un etrange?* спросилъ онъ меня ломанымъ французскимъ языкомъ.

— *Yeas, sir; from Russia.*

Сынъ Альбіона сердечно обрадовался моему отвѣту: онъ былъ долгое время въ Россіи и на Кавказѣ, гдѣ познакомился съ княземъ Воронцовымъ и его сыномъ, которыхъ глубоко уважалъ. Я тоже служилъ на Кавказѣ, а потому мы скоро разговорились. О петербургской жизни мой новый знакомый вспоминалъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ: онъ служилъ при посольствѣ, а въ настоящее время состоялъ въ качествѣ ординарца англійской королевы (если не ошибаюсь, онъ служилъ въ *Royal-Horse guards*). Это былъ майоръ Гербертъ Галь. Сблизившись, послѣ непродолжительнаго разговора, мы вмѣстѣ начали любоваться великолѣпной Генуей — *Genèva la superba*—о которой госпожа Сталь говоритъ, что это городъ, построенный единственно для конгресса королей. На самомъ же дѣлѣ, Генуя обязана своимъ колоссальнымъ великолѣпіемъ варварскому средне-вѣковому закону относительно туалета, предписавшему дамамъ одѣваться чрезвычайно скромно. Содержательницъ модныхъ магазиновъ чуть ли не топили, и такъ какъ почтенные супруги не проматывались на кринолины, на ліонскій атласъ и на брабантскія кружева, то очень естественно, что они могли строить королевскіе дома, тѣмъ болѣе, что обширная торговля со всѣми частями свѣта доставляла имъ громадныя выгоды.

Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, явился цѣлый рядъ великолѣпныхъ дворцовъ, и имена Чентуріоне, Фіеско, Доріа, Ломелине и т. д. блестятъ здѣсь и понынѣ.

Вечеромъ, въ десять часовъ, мы скользили на пароходѣ по лазуревымъ волнамъ Средиземнаго моря. Дельфины плескались и, казалось, разыгрывали съ нашимъ пароходомъ «скачку съ препятствіями». Растущія на берегу пальмы, покачиваемыя легкимъ дуновеніемъ вѣтра, посылали намъ свое привѣтствіе. Луна, подобно золотистому померанцу, висѣла надъ нами во всей своей красѣ.

Мы прибыли довольно рано въ Ливорно, и, несмотря на нетерпѣніе мое продолжать путь, я остался здѣсь: меня удержало образованное общество нѣсколькихъ Англичанъ, съ которыми

я рѣшился посѣтить Пизу. Въ этомъ городѣ мы осмотрѣли «Санро сарто», великолѣпную мраморную кафедру въ батистеріи и, разумѣется, взглянули и на кривую башню, возбуждающую чувство нисколько не пріятное.

Въ четыре часа мы пустились опять въ море.

На пароходѣ вокругъ насъ собралась цѣлая фаланга амазонокъ, которыя вмѣстѣ съ нами спѣшили въ Неаполь и на театръ войны. Какъ измѣнились времена! Нѣкогда женщины прятались въ скалистыя пещеры отъ суровыхъ воиновъ; теперь онѣ сами ихъ отыскиваютъ въ пороховомъ дыму.

Въ каютѣ моими временными спутниками были: знаменитый лондонскій адвокатъ Монтэгу Чамберсъ, ѣхавшій тоже къ Гарибальди, и капитанъ генеральнаго штаба Луиджи Консальво Прекрасныя пассажирки, по недостатку мѣста, улеглись у дверей нашей каюты и спали крѣпкимъ сномъ. Хотя мы, предводимые отважнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, и перешагнули черезъ группы спящихъ дѣвъ и женъ, однако, надобно сознаться, что переходъ черезъ Альпы показался намъ менѣе опаснымъ, чѣмъ странствованіе черезъ черныя дѣса пышныхъ локоновъ и черезъ алебастровые холмы полуоткрытыхъ шей и плечъ, которыми, какъ извѣстно, славятся аристократическія Англичанки. Какъ легко было тутъ поскользнуться гусару, мало-мальски не увѣренному въ своихъ силахъ! Утромъ наши спутницы были уже на палубѣ, занимаясь уничтоженіемъ цѣлыхъ грудъ печенаго тѣста, что имъ совершенно удалось, при помощи жидкаго прозрачнаго кофе, который, казалось, никогда не испытывалъ благотѣльной силы огня.

Съ дамами я скоро познакомился: въ душѣ я истый Англичанинъ, а прекрасный полъ, намъ сопутствовавшій, былъ одаренъ всею любезностію Англичанокъ, безъ малѣйшей примѣси натянутого этикета и обманчивой застѣнчивости.

Въ Чивита-Веккіи наши Англичанки вышли на берегъ; но я не могъ послѣдовать за ними, потому что паспортъ мой не былъ засвидѣтельствованъ для вѣзда въ Папскую Область. Дамы обѣщали мнѣ исходатайствовать дозволеніе у русскаго консула, и дѣйствительно сдержали свое слово; къ несчастію моему; запрещеніе вѣзда было формальное и обнародовано правительствомъ во всеобщее извѣстіе. Законъ, установленный его святѣйше-ствомъ для пристаней, воспрещаетъ, по причинахъ, для меня не-

понятнымъ, перевозчикамъ изъ Чивита-Веккіа два раза подъѣзжать къ пароходамъ для пріема пассажировъ!

На слѣдующій день, 8 октября 1860 года, въ шесть часовъ утра, пароходъ нашъ вошелъ въ величественный Неаполитанскій заливъ. Минута была торжественная.

Нельзя никогда достаточно налюбоваться Неаполемъ. Каждый, кто только посѣтилъ этотъ городъ, согласится со мной, что перо и кисть слишкомъ слабы для того, чтобы хоть приблизительно передать всю прелесть дѣйствительности. Какъ жалки въ сравненіи съ оригиналомъ картины, которыя продаются въ Неаполѣ и которыя всякій путешественникъ все-таки привозитъ съ собою, украшаетъ ими стѣны своего кабинета, и, указывая на нихъ посѣтителемъ, съ гордостію восклицаетъ; «да! я былъ тамъ!» Картины эти не болѣе, какъ воспоминанія, но воспоминанія блѣдныя, жалкія, вовсе не поэтическія.

Смѣсъ умиленія, трепета и восторга слились въ душѣ моей въ одно чувство, которое можно было назвать религіознымъ.

«Un pezzo di Paradiso caduto del Cielo! Napoli vedere e poi morire!» (т. е. частица рая, упавшая съ неба. Видѣть Неаполь и умереть!)

Кто не знаетъ этихъ изрѣченій и кто не произнесъ бы ихъ отъ чистаго сердца, увидавъ Неаполь!

Прибавьте къ этому, что первый въ свѣтѣ Неаполитанскій заливъ былъ, въ настоящую минуту, оживленъ присутствіемъ французскаго и англійскаго флотовъ; у послѣдняго 700 орудій были направлены къ сторонѣ города, на тотъ случай, еслибъ войска Франциска II вздумали предать Неаполь грабежу или сжечь его. Заливъ показался мнѣ дивнымъ зеркально-гладкимъ поломъ, по которому щеголеватыя военныя суда скользили на полныхъ парусахъ. Везувій на заднемъ планѣ являлся алтаремъ. И на этой-то величественной сценѣ дѣйствовалъ, въ эту минуту, человекъ, за которымъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдила вся Европа, раздѣлившись на чувства любви и ненависти, и котораго одно имя привлекло сюда всѣ эти громадныя флоты и все это множество любопытныхъ иностранцевъ.

Товарищъ мой, англійскій офицеръ, назвалъ мнѣ имена: Искіа, Прочиды, Капри, Темпіо-дель-Эрколе, Соренто, Торе-дель-Греко, Кастелламаре, Баи, Позилиппо, — жемчужинъ въ роскошномъ ожерельѣ, опоясывавшемъ несравненный городъ.

Не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, я безмолвно глядѣлъ на дивную картину. Восторгъ погрузилъ меня въ созерцательное состояніе, и когда, въ эту торжественную для меня минуту, раздался зловѣщій голосъ, требовавшій кофе, я готовъ былъ бросить за бортъ нарушителя моего самозабвенія, если бы былъ увѣренъ, что прозаическій кофейида попадетъ прямо въ пасть акулы или кита. Я еще трепеталъ отъ волнованнѣхъ меня чувствъ, какъ вдругъ послышался салютный выстрѣлъ, заставившій меня опомниться. Орелъ Франціи торжественно развѣвался на вершинѣ нашей мачты, грозно обратясь къ Неаполитанцамъ.

Насъ окружилъ рой лодокъ и мальчишекъ, которые привѣтствовали насъ веселымъ крикомъ. Явились и таможенные чиновники. Маіоръ Галь, какъ кабинетъ-курьеръ королевы англійской, былъ тотчасъ же высаженъ на берегъ. Мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы черезъ его посредство заготовить себѣ квартиры въ гостиницѣ «Викторія». Въ эту же самую минуту, всходилъ по трапу на палубу человѣкъ, обратившій на себя мое вниманіе. Это былъ красивый мужчина въ красномъ мундирѣ, съ зеленымъ, шитымъ золотомъ, воротникомъ, въ высокихъ ботфортахъ, въ бѣлыхъ широкихъ рейтузахъ, опоясанный золотымъ кушакомъ, за которымъ помѣщался револьверъ; кромѣ того, онъ былъ вооруженъ длинною саблею; изъ-подъ краснаго кепи, съ зеленымъ кантомъ, смотрѣло воинственное лицо. Улыбаясь, онъ подошелъ ко мнѣ, и тогда только я узналъ въ немъ нашего спутника капитана Тальбота Гарвея, облачившагося въ парадный мундиръ. Онъ былъ посланъ впередъ — предупредить Гарибальди о скоромъ прибытіи вспомогательнаго отряда англійскаго стрѣлковаго баталіона въ девятьсотъ человѣкъ.

Подобно электрической искрѣ, передавалось изъ устъ въ уста, что этотъ офицеръ прибылъ къ Гарибальди съ подаркомъ Англій — шестью наръзными орудіями, чтобы дать ему возможность тотчасъ же начать военныя дѣйствія. Лазарони неистово кричали: «viva Inglesi — Garibaldi viva!» (*) Въ это время, какой-то современный Геркулесъ, отличавшійся оригинальнымъ костюмомъ, подскочилъ къ довольно плотному англійскому капитану и будто

(*) «Да здравствуютъ Англичане! да здравствуютъ гарибальдійцы!»

куклу отнесъ его въ таможенный покой. Народъ съ восторженными криками хлынулъ по слѣдамъ несомато Англичанина и увлекъ и меня въ общемъ потокѣ. О досмотрѣ нашей поклажи нечего было и думать. «*Soltanto per la forma!*» («хоть для формы только!») говорили чиновники. Увлекаемый народомъ, я, наконецъ, достигъ гостиницы. Здѣсь узналъ я, что Гарибальди въ Казертѣ, и на другой день, въ пять часовъ утра, я спѣшилъ уже по неоживленной еще Толедской улицѣ къ дебаркадеру желѣзной дороги. Красныя блузы наводняли станцію, и такъ какъ я не имѣлъ на себѣ мундира, то одинъ молодой гарибальдеецъ не хотѣлъ пустить меня въ вагонъ. По счастью, карточка моя съ титуломъ «*Colonello*» опять пригодилась мнѣ.

Въ Казерту мы прибыли въ половинѣ девятого.

— Гдѣ генералъ Гарибальди? спросилъ я у перваго попавшаго мнѣ волонтера.

— Поѣзжайте далѣе къ Санта-Маріа: генералъ Гарибальди отправился на аванпосты въ Санто-Анджело.

Не выходя изъ вагона, я поѣхалъ въ Санта-Маріа. Еще издали привѣтствовали меня давно знакомые звуки—пушечные выстрѣлы, то прерывавшіеся, то быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ. Дивная картина представилась глазамъ моимъ: направо вѣчно дымящаяся колонна Везувія, налѣво, сквозь пороховой дымъ, прорывалась молнія выстрѣловъ, а въ серединѣ — мирная картина поселянъ, которые съ невозмутимымъ спокойствіемъ воздѣлывали свои поля. Вагоны привозили въ бой тысячи людей, а по обѣимъ сторонамъ царствовалъ миръ....

Въ Санта-Маріа всѣ магазины и кофейни были открыты; каждый предавался своимъ обычнымъ занятіямъ. Самый же городъ былъ сильно забарикадированъ, и ежеминутно проносили по улицамъ раненыхъ. Здѣсь съ глухимъ грохотомъ мчался рядъ блестящихъ орудій, запряженныхъ лошадками; тамъ джигитовали Венгерцы въ живописныхъ костюмахъ, съ тонкими, безконечно-длинными усами; на противоположномъ концѣ двигались мрачные Калабрійцы, съ загорѣлыми лицами, въ остроконечныхъ шляпахъ съ перьями. Выраженіе «*vendetta*» (кровавая месть) рисовалось въ суровыхъ чертахъ ихъ лицъ, и, казалось, они съ нетерпѣніемъ ждали минуты мщенія за своихъ товарищей, павшихъ 1 октября. За ними слѣдовали малорослые, но не менѣе свирѣпыя Сицилійцы, вооруженные кинжалами и длинными

ружьями; какъ настоящіе бандиты, они мелькнули молча, подобно тѣнямъ, повертели за уголь и исчезли.

Я пропустилъ мимо себя этихъ подозрительныхъ господъ и ожидалъ болѣе симпатическаго существа, которое скоро предстало передо мною въ лицѣ кавалерійскаго офицера, въ красной блузѣ и въ голубомъ холщевомъ ментикѣ на лѣвомъ плечѣ.

— *Preglia lei! Dove e Garibaldi?* (*)

— Теперь вы къ нему не проѣдете: онъ на аванпостахъ въ Санто-Анджело.

«Вздоръ», подумалъ я.

— Кто здѣсь главный начальникъ?

— Комендантъ генераль-маіоръ Мельбихъ; но военный министръ, генераль-лейтенантъ Козенць, тоже здѣсь.

Этого мнѣ только и нужно было. Герриери сказалъ мнѣ, что если бы я не засталъ генерала Сиртори, то могу вручить письмо генералу Козенцу. Я тотчасъ явился къ послѣднему.

Это былъ стройный, красивый мужчина между тридцатью-пятью и сорока годами, съ выразительнымъ, полнымъ доброты сердечной лицомъ; на немъ была свѣтло-коричневая шерстяная блуза, съ краснымъ суконнымъ приборомъ. Я подалъ письмо отъ Герриери. Прочитавъ его съ улыбкою, Козенць сказалъ мнѣ:

— Вы найдете генерала Гарibaldi подъ выстрѣлами. Берегитесь! Вотъ вамъ пропускной билетъ. Аванпосты васъ нигдѣ не задержать.

Поданное мнѣ свидѣтельство гласило:

«*Gli avanposti di St. Angelo lasceranno passare il Colonello Sig-e D. per afari di servizio. St. Maria, 9 Ottobre 1860.*

Per il Cap di Stato Magg-e.

Tito Neri.» (**)

Я откланялся и зашелъ въ сосѣдную комнату къ генералу Мельбицу, изрубленному и прострѣленному въ дѣлахъ старому воину, который принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ.

(*) Гдѣ Гарibaldi, скажите, пожалуйста?

(**) Пропустить черезъ аванпосты при Санто-Анджело г. полковника Д**, по дѣламъ службы. Санта-Марія, 9 октября 1860 г.

— До Санто-Анджело отсюда полчаса ѣзды, сказалъ генералъ:—я васъ снабжу экипажемъ и прошу, при возвращеніи, вернуть ко мнѣ.

Я пожалъ руку почтеннаго воина и сквозь рядъ барикадъ направилъ свой путь къ лежащему на возвышеніи Санто-Анджело. День былъ знойный. Я взялъ себѣ въ проводники молодого гарибальдійца. Съ особеннымъ одушевленіемъ рассказывалъ онъ мнѣ о дѣлѣ 1 октября. Мы проѣзжали, въ это время, поле сраженія, на которомъ еще валялось много убитыхъ. Пробираясь черезъ изломанные орудійные лафеты и колеса, мы достигли Санто-Анджело, гдѣ была расположена многочисленная артиллерія, вокругъ которой канониры, съ тлѣющими въ рукахъ фитилями, овершись на лафеты, равнодушно болтали. Часовые смѣнялись по всѣмъ правиламъ устава; раненыхъ на аванпостахъ часто проносили мимо насъ.

Я помолодѣлъ десятью годами.

Въ это время, прибыли французскіе волонтеры, предводимые капитаномъ де-Мервилемъ, съ которымъ я познакомился въ Неаполѣ.

— Pardon! Où est le général Garibaldi?

— Аих avant - postes, monsieur!

Мы тихо подымались на гору. Въ нетерпѣннн я хотѣлъ уже бросить экипажъ, какъ вдругъ замѣтилъ всадника на вороной лошади, съѣзжавшаго съ горы. Надвинутая на глава калабрійская шляпа закрывала почти все лицо его. Красная рубашка носила явные слѣды, прибрѣтаемые не на пиршествахъ и не на паркетѣ. Серьезное, задумчивое выраженіе лица, окаймленное рыжеватою бородою, смотрѣло на меня спокойно. Мнѣ казалось, что я лицо это уже видѣлъ когда-то во снѣ. Возница мой снялъ шляпу; всадникъ отвѣчалъ на это прѣвѣтствіе легкимъ наклоненіемъ головы, а баталіонъ, содержавшій аванпосты, прогремѣлъ: viva Garibaldi!

Всадникъ остановилъ свою лошадь; возлѣ него были два мои спутника по пароходу: адвокатъ Монтэю Чамберсъ и капитанъ Тальботъ Гервей.

Гарибальди—это былъ, дѣйствительно, онъ—сошелъ съ лошади и быстро пересѣлъ въ приготовленную для него чetyрехмѣстную открытую коляску.

Я выскочилъ изъ экипажа и, весь перегнувшись въ коляску Гарибальди, къ немалому удивленію адъютанта, быстро сказалъ:

— Генераль! простите мою смѣлость. Я русскій путешественникъ, и только высокое уваженіе къ вашей личности привлекло меня сюда.

Задумчивое лицо Гарибальди приняло ласковое выраженіе; онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Colonel, je vous suis bien reconnaissant, et charmé de faire votre connaissance. D'ou venez vous?

— De Turin, mon général, ou j'ai reçu une lettre pour le général Sirtori.

— Ah! bien! Vous le trouverez à la chaîne des tirailleurs (*).

Гарибальди указалъ мнѣ рукою направленіе. Въ этотъ самый моментъ, ядро пролетѣло надъ нашими головами.

Лошади шарахнулись.

— Ce sont d'anciennes connaissances pour vous, colonel, сказалъ, улыбаясь, Гарибальди. — J'espere vous me procurerez le plaisir de vous voir ce soir à Caserta!

— Je ne manquerais pas de profiter de votre aimable permission, général!

— Bien! Au revoir donc! (**) сказалъ онъ, и со словомъ avanti (впередъ) коляска исчезла въ облакахъ пыли.

Таково было мое первое свиданіе съ знаменитымъ современнымъ героемъ. Я не только видѣлъ его, но и радушно встрѣченъ имъ....

Защитники Капуи не щадили пороха. Кое-какъ вскарабкался я подъ самыя стѣны Капуи, желая посмотреть на неаполитанскую линію цѣпи. Я поднимался по скалистой мѣстности между колючими кустарниками, въ которыхъ ноги мои наконецъ до того запутались, что я думалъ уже остаться здѣсь вѣчнымъ памятникомъ, какъ вдругъ я очутился лицомъ къ лицу съ генераломъ Сиртори. Мы оба засмѣялись. Я подалъ ему письмо отъ Герриери. Во время чтенія его, мнѣ было достаточно времени

(*) «Много благодарю васъ, полковникъ, и радъ познакомиться съ вами. Откуда вы ѣдете?»—«Изъ Турина, генераль, гдѣ я получилъ письмо къ генералу Сиртори.»—«А, хорошо. Вы найдете его въ застрѣльщичьей цѣпи.»

(**) «Это ваши старые знакомые, полковникъ! Я надѣюсь, что буду имѣть удовольствіе видѣть васъ сегодня вечеромъ въ Казертѣ.»—«Непрѣменно воспользуюсь вашимъ обязательнымъ позволеніемъ.»—«Итакъ, до свиданія.»

разсмотрѣть эту личность, въ которой легко можно было узнать прежняго монаха, одѣтаго теперь въ красную рубаху, забрызганную кровью. Наружность Сиртори мрачная, строгая. Въ немъ замѣтно преобладаніе, надъ всѣми чувствами, чувства фанатизма. Онъ казался крайне усталымъ, а потому, пересѣвъ въ мой экипажъ, отдалъ лошадь свою вѣстовому. Мы отправились въ Санта-Маріа. Проѣзжая поле битвы, онъ подробно описалъ мнѣ ходъ кроваваго дѣла, происходившаго здѣсь 1 октября. Вначалѣ сраженіе казалось проиграннымъ. 30,000 бросились на гарибальдійцевъ, опрокинули и уже захватили 80 человекъ плѣнными. Въ эту критическую минуту, явился Гарибальди и единственно своимъ присутствіемъ далъ благопріятный оборотъ дѣлу. Въ головѣ отборныхъ своихъ войскъ, онъ устремился въ самый жаркій огонь. Платье его до того было прострѣлено, что оказалось негоднымъ къ употребленію. Сраженіе было выиграно; но Гарибальди съ быстротою молніи леталъ по полю битвы, чтобы остановить всякое насиліе своихъ солдатъ надъ побѣжденными. Три Калабрійца, которыхъ онъ засталъ за грабежемъ, были разстрѣяны на мѣстѣ.

Какіе дивные сюжеты для кисти будущихъ художниковъ!

Мы достигли Санта-Маріа въ три часа пополудни. Проголодавшись до крайности, я бросился въ первую попавшуюся мнѣ кофейню и осушилъ безчисленное количество чашекъ кофе. Кофейня была наполнена офицерами всѣхъ возможныхъ націй. Нѣсколько орденскихъ ленточекъ въ петлицѣ моего сюртука послужили посредниками къ знакомству. Всѣ тѣснились вокругъ меня, предлагая по очереди свои услуги, и тутъ я убѣдился еще болѣе въ томъ, въ чемъ рѣдко ошибался, именно, что друзей мы находимъ только тогда, когда въ нихъ не нуждаемся.

Не безъ самодовольствія почувствовалъ я себя среди общества членовъ той арміи, которая всегда вообще и особенно при оборонѣ Севастополя явила безпримѣрное мужество.

Слѣдуя данному обѣщанію, я отправился къ генералу Мельбишу. Онъ повелъ меня на балконъ своего дома, чтобы показать прохожденіе полка Малангина, возвращавшагося съ аванпостовъ. Полкъ имѣлъ бодрый видъ и казался составленнымъ изъ храбрыхъ и предприимчивыхъ молодцовъ. Но сила арміи заключается не въ одномъ презрѣніи къ смерти: стойкость, терпѣніе, способность быть трое сутокъ безъ продовольствія и че-

тырнадцать дней проходить безъ обуви — вотъ рычаги сильной арміи. Увы! едва ли можно предположить эти достоинства въ изнѣженныхъ Итальянцахъ.

Когда почти совершенно стемнѣло, я выѣхалъ въ Казерту. Прибывъ туда, я спросилъ о генералѣ Сиртори: мнѣ указали на флигель дворца. Отъ дежурнаго адъютанта узналъ я, что Сиртори отдыхаетъ; но — прибавилъ адъютантъ — если дѣло, по которому я прибылъ, не терпитъ отлагательства, то онъ доложить обо мнѣ.

Я просилъ адъютанта, при пробужденіи генерала, вручить ему мою карточку и, въ то же время, освѣдомился, гдѣ я могу найти генерала Гарибальди.

Адъютантъ далъ мнѣ проводника. На дворѣ, черезъ который мы проходили, часовые подозрительно на меня поглядывали; но присутствіе моего провожатаго въ красной рубахѣ видимо смягчало ихъ непривѣтливые взгляды. По скудно освѣщенному корридору и по мраморной лѣстницѣ, мы достигли передняго покоя, въ которомъ ожидали уже челоуѣкъ сорокъ женщинъ, дѣтей, монаховъ, горожанъ, поселянъ и красныхъ блузъ.

Гарибальди занималъ самое уединенное помѣщеніе замка, безъ всякихъ украшеній.

Зала освѣщалась единственною лампою, при тускломъ свѣтѣ которой нѣсколько офицеровъ писали депеши. Я объяснилъ дежурному адъютанту мою просьбу быть представленнымъ Гарибальди.

— Сегодня это будетъ немного поздно, отвѣчалъ адъютантъ: — генералъ еще не обѣдалъ, а теперь у него продиктаторъ Палавичини. Какъ только послѣдній уйдетъ, то генералъ тотчасъ садится за столъ, а потомъ отдыхаетъ. Я совѣтовалъ бы вамъ пожаловать завтра утромъ.

— Но генералъ пригласилъ меня посѣтить его сегодня вечеромъ. Я подожду, пока время позволитъ ему принять меня.

Адъютантъ предложилъ мнѣ сѣсть и съ большою любезностію занималъ меня разговоромъ, стараясь разсѣять непріятность ожиданія въ дежурной комнатѣ.

Фамилія адъютанта была Филиппо Оливьері. За какое-то неосторожное выраженіе онъ еще въ молодости просидѣлъ въ Неаполѣ два года въ заключеніи, а потомъ былъ осужденъ на изгнаніе. Обстоятельство это довело семейство его до нищеты,

въ которой умерли его жена и двое дѣтей. Въ 1848 году, Филиппо Оливіери сражался въ Римѣ подъ знаменами Гарибальди, а потомъ переселился въ Америку, гдѣ купилъ себѣ небольшую осадлость. Но едва онъ узналъ, что Гарибальди выступилъ противъ Австрійцевъ, какъ бросилъ все, и «теперь остаюсь я съ нимъ и буду сражаться, пока непріятельская пуля не поразитъ меня или пока Италія не будетъ освобождена», сказалъ Оливіери, оканчивая краткую повѣсть своей жизни.

Около десяти часовъ двери въ кабинетъ Гарибальди отворились, и изъ него вышелъ Палавичини. Присутствующіе привстали со своихъ мѣстъ и почтительно поклонились.

Палавичини средняго роста. Продолжительное изгнаніе убѣлило преждевременно его голову сѣдиной. Подойдя къ Оливіери, онъ узналъ въ немъ стараго знакомаго: «какъ я радъ и васъ здѣсь видѣть», сказалъ онъ. Молча они пожали другъ другу руки. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на этихъ двухъ возвращенныхъ изгнанниковъ, на морщинистыхъ лицахъ которыхъ играла улыбка надежды.

Въ это время, вошелъ другой адъютантъ и попросилъ у меня мою визитную карточку, чтобы показать ее Гарибальди. Едва онъ удалился, какъ снова вышелъ и обратился ко мнѣ со словами:

«Signore Colonello pregho il dentrare.» (*)

Толпа разступилась, и я стоялъ передъ Гарибальди. Генералъ занималъ длинную и узкую комнату; двѣ свѣчи горѣли на небольшомъ письменномъ столѣ. Онъ встрѣтилъ меня радушно.

— Prenez place, colonel, je vous prie! Je serai tout de suite à votre disposition (**).

Послѣ этихъ словъ, онъ обратился къ мальчику лѣтъ 11 или 12, который стоялъ передъ нимъ со своимъ отцомъ.

— Какой родъ оружія ты хочешь избрать? спросилъ Гарибальди.

— Мнѣ все равно, генералъ, лишь бы только поступить въ какуюнибудь военную школу.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я понялъ отвѣтъ мальчика, говорившаго съ видимымъ прямодушіемъ.

(*) «Господинъ полковникъ! пожалуйста.»

(**) «Садитесь, пожалуйста, полковникъ: я сію минуту буду къ вашимъ услугамъ.»

— Va bene, risolo, сказалъ Гарibaldi.—Ты поступишь въ артиллерію. Отечество нуждается въ воинахъ. Служи ему честно и останься въ бѣдности. Бѣдность не порокъ. Возьми примѣръ съ твоего отца. Мы познакомились въ боевомъ огнѣ и полюбили другъ друга.

Старикъ поклонился молча, и двѣ слезы скатились на его бороду.

Гарibaldi сѣлъ за столъ, написалъ пару словъ карандашемъ и подаль записку старику, который съ нею удался. Тутъ я имѣлъ случай разсмотрѣть руку Гарibaldi. Это была большая, мускулистая, но красивая рука. Она представляла собою символъ этого человѣка. Подобная рука могла принадлежать только Гарibaldi.

Послѣ ухода старика съ сыномъ, мы остались вдвоемъ и молча глядѣли другъ на друга. Въ эти минуты, я запечатлѣлъ въ памяти своей портретъ Гарibaldi съ такою точностію, какъ бы онъ обозначился на доскѣ фотографа. Рыжеватые рѣдкіе волосы были зачесаны назадъ. Лицо имѣло выраженіе глубокой грусти, но глаза смотрѣли на меня такъ привѣтливо, что я съ удовольствіемъ выносилъ ихъ взглядъ.

На Гарibaldi была красная блуза, вышитая на плечахъ бѣлыми параллельными линіями. Черный шелковый платокъ обвивалъ нѣсколько разъ шею. На груди висѣла золотая цѣпочка. Гарibaldi роста средняго.

Онъ первый прервалъ молчаніе.

—Въ Ниццѣ, сказалъ онъ:—я имѣлъ случай познакомиться съ многими русскими офицерами и генералами. Я встрѣтилъ въ нихъ вѣжливыхъ и высоко-образованныхъ людей. Передъ вашимъ Монархомъ я благоговѣю. Только свободные люди могутъ понимать, что значитъ дать народу свободу.—При этихъ словахъ, Гарibaldi привсталъ, и глаза его радостно горѣли. — Богъ наградитъ вашего Императора. Я съ грустью встрѣтилъ извѣстіе о паденіи Севастополя, потому что не раздѣлялъ образа мыслей западныхъ державъ. Самое жалкое правительство—это турецкое: оно колеблется между быть и не быть. Я былъ въ Турціи свидѣтелемъ такихъ постыдныхъ поступковъ, подобныхъ которымъ нельзя встрѣтить въ исторіи.

Гарibaldi рассказалъ мнѣ о разныхъ низкихъ дѣйствіяхъ турецкихъ губернаторовъ противъ христіанъ.

— Я былъ въ Одессѣ, какъ подшхиперъ купческаго корабля. О вашемъ народѣ я могу отозваться съ самой лучшей стороны: вашъ народъ—слава государства. Вы первый, который удостоиваете меня своимъ посѣщеніемъ. Я этого никогда не забуду.— Ваши войска храбры и дерутся превосходно, прибавилъ Гарибальди.

Я откланялся, чтобы вовремя поспѣть къ послѣдному поѣзду, отходившему въ Неаполь.

— Поѣздъ болѣе не отправляется, сказала Гарибальди: — переночуйте у меня.

Въ это время, вошелъ секретарь продиктатора Палавичини взять забытую на столѣ бумагу.

Это напомнило Гарибальди, что для продиктатора приготовленъ экстренный поѣздъ, и онъ обратился къ секретарю съ словами:

— Попросите отъ моего имени Палавичини принять подъ свое покровительство г. русскаго полковника и доставить его въ Неаполь.

Взявъ меня за обѣ руки, Гарибальди спросилъ:

— Не могу ли я въ чемъ нибудь быть вамъ полезнымъ?

— Если позволите, генераль, я попросилъ бы у васъ на память тотъ карандашъ, которымъ вы только что очастливили человѣка.

Улыбаясь, посмотрѣлъ на меня Гарибальди:

— Вы желаете имѣть воспоминаніе обо мнѣ? Извольте.

Онъ сѣлъ къ столу, написалъ нѣсколько словъ, свернулъ бумажку и подалъ ее мнѣ, пожавъ въ послѣдній разъ руку.

— *Adieu!* были его послѣднія слова.

Въ дежурной комнатѣ Оливіери спросилъ меня:

— Какъ понравился вамъ нашъ генераль?

— Теперь я все понимаю. Я постигаю, почему Гарибальди только съ пятью офицерами, безъ войска, отважился вступить въ городъ съ 400,000 жителями. Наконецъ я понимаю, почему поселяне спокойно обрабатываютъ свои поля вездѣ, гдѣ Гарибальди поблизости.

Когда я пришелъ на станцію желѣзной дороги, Палавичини сидѣлъ уже въ вагонѣ и охотно меня принялъ.

Ведя самый оживленный разговоръ, мы прибыли въ Неаполь, и я скоро отыскалъ свою гостиницу. Здѣсь я развернулъ подаренную мнѣ Гарибальди записку и на ней прочелъ слѣдующее:

«Caserta, 9 Ottobre 1860.

Ammiratore del Popolo Russo e del Grando Emancipatore
die servi.

G. Garibaldi (*).

Такъ кончилось мое посѣщеніе Гарibaldi. Въ Неаполѣ меня задержало на нѣсколько дней интересное знакомство съ герцогиней Монте-Кальво, пожилою женщиною высокаго ума, которая оставила было Неаполь, но возвратилась вмѣстѣ съ Гарibaldi. Въ это же время, я познакомился съ графомъ Виліо и графомъ Казанова, отъ которыхъ узналъ еще нѣкоторыя подробности о Гарibaldi.

Еще во время пребыванія моего въ Неаполѣ распространился слухъ, что Гарibaldi хочетъ провозгласить республику. Народъ пришелъ въ волненіе и началъ собираться. У входа во всѣ магазины, кофейни, на всѣхъ дверяхъ были прибиты записки; вездѣ былъ выставленъ сардинскій гербъ: бѣлый крестъ въ красномъ полѣ, въ срединѣ большія буквы S. I., а подъ ними буквы V. E. Подобныя же записки народъ носилъ на своихъ шляпахъ. Гарibaldi вышелъ на балконъ и внятнымъ голосомъ обратился къ народу:

— Вы меня знаете. Положитесь на мое слово. Разойдитесь по домамъ. Король Викторъ-Эммануилъ будетъ здѣсь черезъ нѣсколько дней. Тогда будетъ объявлено присоединеніе. Кто хочетъ, приходи ко мнѣ. Мои двери открыты для всѣхъ.

Рѣчь Гарibaldi была коротка, какъ телеграмма; да народъ и не любитъ разглагольствія. Рѣчь диктатора подѣйствовала: съ восклицаніями: «viva Garibaldi!» толпы разошлись по домамъ.

Наканунѣ этого дня я видѣлъ вступленіе въ Неаполь англійскихъ волонтеровъ. Народъ велъ себя примѣрно. Нигдѣ не видно были полиціи. Національная гвардія одна устранила безпорядки. У открытыхъ театровъ не было караула.

Англійскій легіонъ состоялъ изъ молодыхъ и видныхъ людей.

Прійдя на мѣсто, волонтеры выстроились и въ одно мгновеніе были засыпаны букетами, которые они прикалывали себѣ

(*) «Казерта, 9 октября 1860 г. Почитатель русскаго народа и великаго освободителя крѣпостныхъ. Дж. Гарibaldi.»

къ груди и вкладывали въ дула ружей. Весь легионъ уподоблялся движущемуся саду, и крикамъ: «viva Inglesi!» не было конца.

Желанія мои исполнились: я видѣлъ живую картину многознаменательныхъ событій и познакомился съ *Гарибальди*.

О. ДИТМАРЪ.